

ПУШКИНСКИЙ «СОВРЕМЕННОК»

Мечта иметь собственный печатный орган многие годы преследовала Пушкина. Но не так-то просто было осуществить ее. Еще 7 июня 1824 г. поэт писал П. А. Вяземскому: «То, что ты говоришь насчет журнала, давно уже бродит у меня в голове» (XIII, 96.— Список условных сокращений см. в преамбуле к комментарию). Высланный из столицы Пушкин и находившийся под негласным надзором Вяземский не имели, конечно, реальной возможности издавать журнал.

Когда Дельвиг приступил к изданию альманаха «Северные цветы», Пушкин всячески его поддерживал, щедро отдавал ему многие — подчас наиболее любимые — свои стихотворения¹. Однако альманах не мог, по справедливому мнению Пушкина, заменить журнал или газету.

Вскоре после приезда в Москву осенью 1826 г. Пушкин вступает в соглашение с московскими литераторами, которые задумали издавать «Московский вестник». Пушкин надеется полновластно распоряжаться в этом печатном органе. 9 ноября 1826 г. он пишет Вяземскому: «Может быть, не Погодин, а я буду хозяином нового журнала» (XIII, 304—305). Однако московские любомудры оказались слишком крепким «орешком», и Пушкин постепенно охладевает к «Московскому вестнику».

С 1830 г. начала выходить в свет «Литературная газета» Дельвига, деятельным сотрудником которой с первых же номеров стал Пушкин. Она просуществовала полтора года, и вскоре после ее закрытия Пушкин начинает хлопотать об издании своей газеты; в 1832 г. он получил на это разрешение, но обстоятельства не позволили ему осуществить это начинание². Тогда же, в начале 1832 г., на втором номере был запрещен журнал И. В. Киреевского «Европеец», который должен был стать печатным органом писателей пушкинского круга³. В 1832—1833 гг. Пушкин, Жуковский и Вяземский подают правительству проекты издания журналов. Ходатайства успеха не имеют⁴.

Между тем журналистика все более становилась прибыльным «майоратом» нечистоплотных дельцов. Быстро шли в гору Булгарин и Греч, чья газета «Северная пчела» чутко реагировала на малейшие повороты правительственного курса в области литературы. С 1834 г. начал выходить «энциклопедический» журнал «Библиотека для чтения». Ошеломляющий успех этого предприятия О. И. Сенковского доказывал, что остроумный и порой беспардонный барон Брамбеус — таков был популярный псевдоним редактора этого журнала — безошибочно угадал общественную потребность; последующие «толстые» русские журналы («Отечественные записки» и другие) использовали его опыт. Но «Библиотека для чтения» имела не только положительное влияние. Этот журнал стал одним из первых провозвестников «массовой» культуры. Именно эту отрицательную роль «Библиотеки для чтения» отлично осознали писатели пушкинского круга; Пушкин, желая нарушить монополию журнального «триумvirата» Булгарина, Греча и Сенковского, настойчиво добивается издания своего печатного органа.

31 декабря 1835 г. Пушкин отправил письмо Бенкендорфу с просьбой разрешить ему издать в следующем году «4 тома статей чисто литературных (как-то повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности: на подобие английских трехмесячных *Reviews*» (XVI, 69). Николай I разрешил «означенное периодическое издание», и внешние препятствия, таким образом, были преодолены. Но оставались внутренние затруднения, связанные с выбором сотрудников. «Современник» был задуман Пушкиным как печатный орган писателей его круга. Несколько месяцев спустя в третьем номере журнала Пушкин писал, что «он вполне признает справедливость объявления, напечатанного в „Северной пчеле“: „Современник“ по духу своей критики, по многим именам сотрудников, в нем участвующих, по неизменному образу мнения о предметах, подлежащих его суду, будет продолжением „Литературной газеты“».

Однако протекшие пять лет не прошли бесследно. За эти годы многое изменилось. Умерли Дельвиг и Сомов; отошел от литературной деятельности Катенин; И. Киреевскому, на критический дар которого возлагали большие надежды в пушкинском кругу, было запрещено печататься.

Кого привлечь к участию в журнале? Издатель «Современника» предложил сотрудничество своему лицейскому другу, ссыльному декабристу Кюхельбекеру. Последовало радостное согласие и высылка критической статьи «Поэзия и правда» (которая попала в III Отделение и не дошла по назначению). По письмам Пушкина видно, что он предлагал прислать материалы для журнала историку войска Донского В. Д. Сухорукову, писа-

тельнице А. О. Ишимовой, казанской поэтессе А. А. Фукс. Но, конечно, в первую очередь, нужно было искать сотрудников, проживавших в столице, которые могли бы принять деятельное участие в редакционных делах. И тут Пушкину повезло: наметилось сближение с Гоголем и Владимиром Одоевским. Именно Гоголем была написана статья «О движении журнальной литературы», которая была помещена в первом томе «Современника» и воспринята как программное выступление журнала.

Известие о выходе в свет журнала Пушкина произвело переполох среди журналистов: атаки на «Современник» начались еще до появления его в руках читателей. В ход были пущены самые различные средства. Смирдин и Сенковский (издатель и редактор «Библиотеки для чтения») предлагали Пушкину 15 тысяч отступного, надеясь уговорить его не выпускать журнал. Пушкин отказался.

Сенковский перешел в наступление. В первом номере «Библиотеки для чтения» за 1836 г. он напечатал издательскую рецензию о переводе «Вастолы» Виланда (перевод, весьма архаичный, был сделан еще в 1807 г. служащим Царскосельского лицея Е. П. Люценко; Пушкин, не сумев упросить Смирдина издать его, опубликовал его сам, поставив на титуле: «Издал А. Пушкин»; имя переводчика на титуле обозначено не было). Цитируя самые беспомощные вирши Люценко, Сенковский иронически объявил Пушкина их автором: «Это его стихи! Удивительные стихи!»

Нападки «Библиотеки для чтения» этим не ограничились. Еще до выхода в свет первого номера «Современника» Сенковский стороной узнал, что в нем будет напечатана статья «О движении журнальной литературы» с осуждением его деятельности. Не дожидаясь выхода в свет «Современника», Сенковский в апрельском номере «Библиотеки для чтения» (цен. разр. 27 марта) печатает заметку о пушкинском журнале, который, по его словам, задуман из зависти к читательскому успеху «Библиотеки для чтения» и будет представлять собой бранный альманах, обреченный на грязную полемику, этот «самый низкий и отвратительный род прозы, после рифмованных пасквилей». Сенковский не пренебрег и прямой угрозой в адрес Пушкина: «Берегитесь, неосторожный гений!»

По сути дела, Сенковский апеллировал к правительству и цензурному ведомству, ставя под сомнение политическую благонадежность Пушкина — автора острых эпиграмм и сатиры «На выздоровление Лукулла», которые бичевали ближайшего помощника Николая I, министра народного просвещения С. С. Уварова (см.: ПИМ. Т. 1. С. 302).

Опасение за судьбу «Современника» побудило Пушкина прибегнуть к поддержке «Северной пчелы». Воспользовавшись трения-

ми личного характера между издателями «Библиотеки для чтения» и «Северной пчелой», Пушкин предпринимает меры для нанесения контрудара. 17 апреля 1836 г. в «Северной пчеле» появляется анонимная статья «Несколько слов о «Современнике», с редакционным примечанием: «Эта статья получена была нами до выхода в свет первой книжки «Современника». (По авторитетному мнению В. Г. Березиной, статья «Несколько слов о „Современнике“» принадлежит В. Одоевскому, осенью того же года написавшего остро-полемическую статью «О нападении петербургских журналов на русского поэта Пушкина», которая не была напечатана; см.: ПИМ. Т. 1. С. 304.)

С защитой «Современника» выступил и «Московский наблюдатель». В статье «Как пишут критику» (помещенной в VI части журнала за 1836 г.) В. П. Андроссов высмеивал попытки Сенковского объявить себя журнальным монополистом: «Как сметь издавать журнал, когда уж этим изволил заняться барон Брамбеус! И еще непростительнее *учредить его нарочно против „Библиотеки для чтения“*. Так по крайней мере могло казаться подозрительному феодалу. Но откуда он это взял? спросят. Из программы? Ее не было. Ее никто не видал. Мы только знаем, что Пушкин предпринимает издавать литературный журнал; но как поселилась в голове барона мучительная мысль, что „Современник“ угрожает его благосостоянию, этого мы не постигаем. Он же так самоуверен, так величав, так великолепен, что ему даже бы и бояться этого нечего. Откуда этот тон: „*вообще не бесполезно знать, что презрения у нас достанет для всех нападков, от кого бы они не проистекали*“. Что дало право на него? Где эти труды изумительного барона, которые хотя бы скольконибудь оправдывали тон его? И с Пушкиным ли ему говорить так?»

Вот в какой накаленной, наэлектризованной атмосфере выходил в свет первый номер «Современника», на страницах которого была анонимно напечатана вызвавшая бурные печатные отклики статья Гоголя «О движении журнальной литературы...».

Статья Гоголя дала неллицеприятную оценку основных русских журналов того времени, и в первую очередь изданий «торгового» направления. Эту тему неоднократно затрагивал и сам Пушкин. Незадолго до своей гибели поэт в письме (от 16 декабря 1836 г.) к французскому послу в Петербурге Баранту говорил о законе 22 апреля 1828 г., положившем начало авторскому праву в России: «Литература стала у нас важной отраслью промышленности лишь за последние двадцать лет или около того. До тех пор на нее смотрели только как на изящное аристократическое занятие» (XVI, 401; подлинник по-французски). Приветствуя новый порядок в мире словесности — установление законных норм, гарантирующих права автора, Пушкин в то же время осуждал

тех журналистов и издателей, которые превращали литературу в «вшивый рынок».

В 1835 г. с решительным осуждением «торгового» направления выступал и ведущий критик «Московского наблюдателя» С. П. Шевырев, который в статье «Словесность и торговля» с негодованием писал о падении нравов среди журналистов и писателей.

Однако в понимании внутренних пружин этого процесса существовали заметные разногласия между Гоголем и Шевыревым. Возражая критику «Московского наблюдателя», Гоголь писал: «Литература должна была обратиться в торговлю, потому что читатели и потребность чтения увеличилась... Естественное дело, что при этом случае всегда больше выигрывают люди предприимчивые, без большого таланта, ибо во всякой торговле, где покупщики еще простоваты, выигрывают больше купцы оборотливые и пронырливые. Должно показать, в чем состоит обман, а не пересчитывать их барыши»⁵.

Анализируя состояние современной журналистики, Гоголь ищет, в чем же состоит обман публики, почему читателю сплошь и рядом продают гнилой товар.

Цензурные условия не позволяли Гоголю писать без обиняков о «священном союзе» русского самодержавия с «торговым триумвиратом». Сообразуясь с возможностями подцензурной печати, Гоголь выставляет четыре основных соображения, которые, по его мнению, мешают современной журнальной критике быть достойной представительницей общественного мнения: «пренебрежение к собственному мнению», «литературное безверие и литературное невежество», «отсутствие чистого эстетического наслаждения и вкуса», «мелочное в мыслях и мелочное щегольство».

Гоголь бичует «равнодушную критику», советует подвергать анализу наиболее важные явления отечественной словесности, ратует за изучение литературного прошлого. «Наша народная память незаботлива и неблагодарна. Поглощаясь суетами и сплетнями нынешнего дня, она не имеет в себе места для преданий вчерашнего», — писал Вяземский в своей монографии о Фонвизине. На полях рукописи Вяземского против этих слов лаконичная помета Пушкина: «Прекрасно»⁶. Такого же мнения придерживается и Гоголь. Небрежение к литературной традиции, по его словам, ведет к тому, что «наша эпоха кажется как будто отрублена от своего корня, как будто у нас вовсе нет начала, как будто история прошедшего для нас не существует». По твердому убеждению Пушкина, Гоголя и Вяземского, лишь в исторической перспективе можно было оценить по достоинству и литературное наследие XVIII века, и творческие завоевания последних десятилетий.

Журнальная деятельность, по мнению Гоголя, столь необходимая «в области наук и художеств, как пути сообщения для государства, как ярмарки и биржи для купечества и торговли», должна была быть делом людей честных, достойных этого поприща по своим высоким нравственным убеждениям, по «твердой принципиальной позиции».

Статья «О движении журнальной литературы...» вызвала живой интерес Белинского: «Мы почитаем за долг сказать, что все суждения не только изложены резко, остро и ловко, но даже беспристрастно и благородно, автор статьи не исключает из своей опалы ни одного журнала, и хотя его суждение и о нашем издании [т. е. о журнале „Телескоп“.— М. Г.] совсем не лестно для нас, но мы не видим в нем ни злонамеренности, ни зависти, ни даже несправедливости»⁷. Слова Белинского были отголоском общественного мнения. По свидетельству И. И. Панаева, статья Гоголя «наделала большого шуму в литературе и произвела очень благоприятное впечатление на публику»⁸.

Без малого два месяца выжидал Булгарин. Лишь в начале июня, когда стало ясно, что замолчать статью «О движении журнальной литературы...» невозможно, что она продолжает вызывать сочувственный резонанс в обществе, издатель «Северной пчелы» выступил в свою защиту и в защиту Сенковского. Пространный ответ «Мнение о литературном журнале „Современник“...», который был опубликован в трех номерах газеты⁹, Булгарин посвятил в основном статье «О движении журнальной литературы...». Он прибегнул к своему излюбленному полемическому приему, который, по словам Пушкина, сводится к известной поговорке «сам съешь»: «Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтивое, но столь же затейливое выражение: *обратите это на себя*. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих же противников. *Сам съешь* есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики» (XI, 151).

В своем ответе Булгарин переадресовывает «Современнику» те самые упреки, которые в статье «О движении журнальной литературы...» были обращены к «Библиотеке для чтения» и к «Северной пчеле». Но Булгарин не ограничился полемическим «бумерангом». Он не постеснялся заявить, что содержание первого номера «Современника» ничтожно (особенно досталось «Парижу» А. И. Тургенева, корреспонденция которого названа «несвязной болтовней»), что лишь «Долина Ажитугай» одна составляет литературное достоинство первой книжки «Современника».

Булгарин всячески стремился поставить под сомнение благонадежность пушкинского журнала, с казуистической ловкостью

пытался обнаружить в суждениях автора статьи «О движении журнальной литературы...» скрытый, подозрительный подтекст. Вот что он писал: «На стр. 195 Современник спрашивает: «но какая же цель была редакции этого журнала [т. е. «Библиотеки для чтения». — М. Г.], какую задачу предположила она решить?» — фраза, выписанная из французской полемики! — Журнал политический, в стране, где существует оппозиция, может предполагать себе задачу для решения; но все литературные журналы в мире, все журналы энциклопедические следуют по одному направлению. Всех их цель есть та, чтоб распространять полезные сведения, сообщать литературные новости и занимать любителей легкого чтения. Критику надлежало бы судить, как исполняет все это журнал «Библиотека для чтения», а не доискиваться цели, которая известна всем и каждому по программе».

В конце своего ответа Булгарин обвинил «Современник» в том, что тот «пристрастен и несправедлив» и «действует не в духе общего литературного блага, не в духе времени, но в духе партии и цепетильной привязчивости».

Обвинения, брошенные издателем «Северной пчелы», требовали ответа. В редакционном примечании, появившемся во втором номере журнала, сообщалось: «Статья, присланная нам из Твери с подписью А. Б., не могла быть напечатана в сей книжке по недостатку времени».

Мы получили также статью г. Косичкина. Но, к сожалению, и эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выход книжки, отлагаем ее до следующей».

Слова о новой статье Феофилакта Косичкина были предупреждением. За пять лет до этого Пушкин уже прибегал к подобному средству. В памфлете «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (1831), под которым стояла подпись Косичкина, Пушкин поместил план романа «Настоящий Выжигин», сатирический «конспект» биографии издателя «Северной пчелы» и доверительно заметил, что сей роман «поступит в продажу или останется в рукописи, смотря по обстоятельствам» (XI, 214). В 1831 г. угроза Пушкина возымела действие — Булгарин на время притих; в 1836 г. предостережение не подействовало. Издатель «Северной пчелы» не перестал преследовать «Современник». Времена изменились — и не к лучшему.

«Статья, присланная из Твери» появилась в третьем номере «Современника» под названием «Письмо к издателю» и была подписана инициалами «А. Б.». В примечании к этому «Письму», сделанному Пушкиным уже от своего имени, было сказано: «Статья „О движении журнальной литературы“ напечатана в моем журнале, но из сего еще не следует, чтобы все мнения, в ней выраженные с такою юношескою живостью и прямо-

душием, были совершенно сходны с моими собственными. Во всяком случае она не есть и не могла быть программой „Современника“».

Наше изложение подошло к наиболее «темному» эпизоду журнальной полемики, связанной с пушкинским «Современником». Мнения об этом тактическом ходе Пушкина высказывались различные, порой прямо противоположные. Одни ученые полагают, что «Письмо к издателю» есть следствие значительных расхождений между издателем «Современника» и его молодым сотрудником; другие исследователи (напр., Е. С. Шальман — см.: «Освободительное движение в России». Саратов, 1978. Вып. 7. С. 61), напротив, считают, что Пушкин в этом открытом письме «нигде не сказал, что не согласен со статьей «О движении журнальной литературы». Нам представляются сомнительными столь крайние точки зрения. Пожалуй, наиболее правдоподобна оценка, данная Н. Л. Степановым.

«Для чего понадобилась Пушкину такая сложная мистификация, почему он отмежевался от статьи Гоголя, которая несомненно во многом близка была его взглядам? Следует учитывать здесь прежде всего нежелание Пушкина ставить под удар журнал, стремление его к сохранению как бы нейтральной позиции, тем более необходимой, что возможности полемики для „Современника“, выходявшего раз в три месяца и находившегося под особенно недружелюбным надзором цензуры, были чрезвычайно ограничены. Но дело не только в этом. Хотя Пушкин в „Письме к издателю“ и не касается основных обвинений Гоголя, направленных против Сенковского и „Библиотеки“, обвинений в беспринципности и безыдейности, возражая лишь на второстепенные пункты, несомненно, что его отношение к Сенковскому и „Библиотеке“ иное, чем у Гоголя. Недаром он подчеркивает в „Письме к издателю“, что многие из статей Сенковского обладают большими достоинствами, признавая в нем талант журналиста, а также умелое ведение журнала, „разнообразие статей“, „полноту книжек“, „сметливость“ и „аккуратность“, „к которой не приучили нас русские журналисты“. Следовательно, несмотря на отрицательные стороны „Библиотеки для чтения“, отмеченные Гоголем, этот журнал, по мнению Пушкина, обладал и положительными качествами, которых, между прочим, были лишены другие журналы»¹⁰.

К этому можно лишь добавить, что в «Письме к издателю» Пушкин, ослабляя критику «Библиотеки для чтения», усилил негативную характеристику «Северной пчелы». Если учесть, что именно Булгарин выступил с воинственной статьей, направленной против «Современника», то ответная реакция Пушкина становится вполне понятной. Кроме того, в «Письме к издателю» явно чувствуется желание отвести от «Современника» обвинение

в полемическом задоре. Говоря о «Библиотеке для чтения» и «Современнике», А. Б. писал: «Желаем, чтоб оба журнала друг другу не старались вредить, а действовали каждый сам по себе для пользы общей и для удовольствия жадно читающей публики». Это примирительное заявление могло иметь в виду и «высшие сферы». Пушкину было известно, что Николай I терпеть не мог журнальной полемики, которую он называл «подлой бранью»¹¹. «Современник» был разрешен Пушкину сроком на один год. Надо было думать о дальнейшем. Обвинение в «подлой брани» могло помешать просьбе о продлении журнала. Журнальная расстановка сил и цензурные условия требовали сделать акцент на миролюбии. Издатель «Современника» так и поступил¹².

К тому же ограниченная «площадка» — «Современник» был не ежемесячным, а кварталным изданием — диктовала необходимость предельной экономии. Надо было оставлять поелику возможно больше места для позитивных материалов: для мемуарной прозы и эпистолярных корреспонденций, для путевых очерков и этнографических статей, для критических и публицистических обзоров.

Что же дали четыре тома «Современника» русскому читателю? Прежде всего, нельзя не обратить внимания на то, какое значительное место отведено в пушкинском журнале материалам, относящимся к просвещению и образованию. Уже в начале первого номера помещена статья П. А. Плетнева «Императрица Мария», посвященная женскому образованию в России. Этот вопрос издавна привлекал внимание Пушкина. В «Отрывках из писем...» (1827) Пушкин с иронией писал о том, что «Магомет оспаривает у дам существование души», что «во Франции, в земле прославленной своею учтивостью, грамматика торжественно провозгласила мужеский род благороднейшим», что «даже люди, выдающие себя за усерднейших почитателей прекрасного пола, не предполагают в женщинах ума, равного нашему, и, приноравливаясь к слабости их понятия, издают книжки для дам, как будто для детей...» (XI, 53). Домостроевские предрассудки были чужды Пушкину; он отдавал должное душевным качествам и умственным способностям женщин; известно, как высоко ценил он талант мадам де Сталь; известно, как деятельно помогал Пушкин русским писательницам (Н. А. Дуровой, А. О. Ишимовой). «Нет сомнения, — утверждал Пушкин, — что русские женщины лучше образованы, более читают, более мыслят, нежели мужчины, занятые бог знает чем» (VIII, 156). Пушкин, как мы видим, понимал под женским образованием не только занятия в учебных заведениях, но и то, что теперь называем самообразованием («более читают, более мыслят»). Писатель справедливо полагал, что женская образованность является неотъемлемой частью общего просвещения России.

Проблеме просвещения была посвящена и статья П. Б. Козловского «Разбор парижского математического ежегодника на 1836 год». Автор далеко вышел за пределы своей темы; разбор содержания «Парижского математического ежегодника...» послужил для него лишь поводом поделиться с читателем общими рассуждениями о распространении просвещения и популяризации научных знаний на Западе и в России.

Козловский был человеком энциклопедических знаний, прекрасным знатоком древних языков и последних достижений математической науки, много лет живший в странах Западной Европы. Внимательный наблюдатель, Козловский отмечает значительные успехи в распространении научных знаний во Франции и Англии. В России же, как замечает автор, наука все еще остается достоянием небольшого круга ученых. «Некоторые полагают, что издавна у нас введенная постепенность в гражданскую жизнь... мешает способностям молодых людей развиваться и совершенствоваться...», — пишет Козловский. Автор имеет в виду табель о рангах, которая, по его мнению, отвлекает молодое поколение от стремления раскрыть свои дарования на научном поприще. Как известно, недовольство табелью о рангах высказывал и Пушкин, правда, свое неодобрение этой бюрократической «лестницы» Пушкин мотивировал иными причинами, нежели Козловский; табель о рангах, по мнению Пушкина, расшатывала социальные устои независимого старинного дворянства. Два различных аргумента против чиновной иерархии дополняли друг друга, и Пушкин, надо думать, с сочувствием воспринял мысль Козловского о том, что табель о рангах препятствует развитию отечественной науки.

Просветительские идеалы пропагандировала и статья В. Ф. Одоевского «О вражде к просвещению, замечаемой в нынешней литературе» (второй номер «Современника»). Автор энергично осуждает вражду к просвещению, возникшую в Западной Европе как парадоксальный результат быстрого распространения просветительских идей во всех классах общества. По мнению Одоевского, негативная реакция на просвещение в Западной Европе понятна, хотя и прискорбна: сильное действие породило сильное противодействие. Еще печальнее эта вражда в России, где просвещение сделало лишь первые шаги. От иностранных романистов-сатириков автор переходит к обличению русских сатириков, его выпады направлены прежде всего против «нравственно-сатирических» произведений Булгарина и других поставщиков мелкотравчатой сатиры: «Не против злоупотребления науки вооружились наши сатирики, но против самой науки; забыты примеры Фонвизина, Капниста, Грибоедова, их глубокое знание современных нравов, их верный взгляд на наши недостатки, их благородное стремление».

Одоевский избежал частных нападок, столь распространенных в журнальной полемике. Его возражения имели общий характер, преследовали не отдельные погрешности и недостатки, а целое направление «нравственно-сатирической» литературы, несовместное с истинной сатирой. Подобная широкая постановка вопроса безусловно привлекла Пушкина. Статья Одоевского казалась ему тем ценнее, что она недвусмысленно указывала на то, что «нравственно-сатирическая литература» не способствует ни улучшению нравов, ни просвещению страны.

Защита истинной сатиры в статье Одоевского перекликается с аналогичными рассуждениями в статье П. А. Вяземского о «Ревизоре», напечатанной в том же втором номере «Современника». Автор горячо защищал Гоголя и его комедию от различных обвинений — литературного, нравственного и политического характера. Подобные обвинения раздавались со всех сторон. Печатным эхом, журнальным отголоском этого мнения явились статьи Булгарина и Сенковского. С присущей ему развязностью Булгарин писал: «Тяжело выдержать пять актов и не слышать ни одного умного слова; а одни только грубые насмешки и брань; не видать *ни одной* благородной черты сердца человеческого! Если б зло перемешано было с добром, то после справедливого негодования сердце зрителя могло бы, по крайней мере, освежиться, а в „Ревизоре“ нет пищи ни уму, ни сердцу, нет ни мыслей, ни ощущений»¹³.

Издатель «Северной пчелы» утверждал, что Гоголь построил свою пьесу «на невероятности и несбыточности», с апломбом заверял читателей, что «на злоупотреблениях нельзя основать настоящей комедии». Иное полагал Вяземский. Возражая Булгарину, Вяземский спрашивал: «Но как же требовать, чтобы каждый художник посвятил себя на должность школьного учителя или дядьки? На что вам честные люди в комедии, если они не входили в план комического писателя?»

Сенковский, который в своих рецензиях и статьях не стеснялся превращать критику в непристойный спектакль, упрекал Гоголя в том, что «Ревизор» не комедия, а *фарса*. И это враждебное высказывание, имевшее целью принизить сатирическое звучание «Ревизора», нашло достойную отповедь в статье Вяземского: «Дело не в названии: можно написать гениальную фарсу и пошлую комедию. К тому же в „Ревизоре“ нет ни одной сцены вроде „Скапиновых обманов“, „Доктора поневоле“ (...) нет нигде вымышленной карикатуры, передеваний и проч. За исключением падения Бобчинского у двери, нет ни одной минуты, сбивающейся на фарсу. В „Ревизоре“ есть карикатурная природа: это дело другое. В природе не все изящно; но в подражании природе неизящной может быть изящность в художественном отношении».

Критический разбор Вяземского, в свою очередь, показал, как можно изящно и остроумно оспаривать неизящные и примитивные суждения. Недаром Пушкин писал, что «критические статьи Вяземского носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального».

К рассуждениям о сатире — истинной и мнимой — в статьях Одоевского и Вяземского следует добавить вопросы Фонвизина и ответы Екатерины II, перепечатанные в статье Пушкина «Российская Академия», которая также была помещена во втором номере «Современника».

Просветительская тенденция «Современника» отчетливо проявилась в том предпочтении, какое оказывал его издатель документальным, хроникальным, публицистическим и критическим материалам. Пушкин обладал обостренным чувством времени; одним из первых своих современников он понял, что поэтические жанры утрачивали первенствующее положение. Все большее значение приобретала проза — и не только художественная. «...Русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии,— писал Пушкин Вяземскому 13 июля 1825 г.— Дай бог ему когда-нибудь образоваться, наподобие французского (ясного, точного языка прозы — т. е. языка мыслей)» (XIII, 187). Пожелание Пушкина начинало сбываться. В 1830-е гг. происходит значительное расширение границ прозаических жанров и возрастает удельный вес прозы в отечественной словесности. Этот процесс отразился и на содержании пушкинского «Современника», в котором, правда, появились первоклассные стихотворения Пушкина, Жуковского, Тютчева, Кольцова и некоторых других поэтов, но тем не менее не они определяли лицо нового печатного органа.

Пристрастие к «документу», призыв к фиксации исторических фактов (включая в них исторические анекдоты и легенды как гиперболическое отображение истинных событий, настроений, социальной психологии) свойственны в 1830-е гг. и Пушкину-художнику, и Пушкину-историку, и Пушкину-журналисту. Замечание Вяземского о том, что «наша народная память незаботлива и неблагодарна», отвечало размышлениям Пушкина, который в «Путешествии в Арзрум» писал, что «замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны».

Пренебрежение прошлым казалось Пушкину чертой дремучего невежества. Недаром он собирался напечатать в «Современнике» записку «О древней и новой России» Карамзина, помещал в журнале воспоминания участников Отечественной войны 1812 года, печатал свои и чужие путевые записки.

В первом номере «Современника» вслед за статьей Козловского Пушкин поместил корреспонденцию А. И. Тургенева «Па-

риж. Хроника русского». Это были выдержки из писем к друзьям разносторонне образованного литератора, обладавшего острой наблюдательностью, неисчерпаемым стремлением к знанию, умением живо, непринужденно, с присущей ему индивидуальной экспрессией передавать свои впечатления от всего, что он узнал и увидел; особое значение эти письма имеют потому, что о жизни Западной Европы он сумел рассказать с точки зрения передового русского человека своего времени, с живостью умного наблюдателя.

Красочные картины народных гуляний чередуются в его корреспонденциях с характеристикой французских государственных деятелей, с описанием театральных спектаклей, пересказом религиозных проповедей, сообщениями о посещениях литературных салонов, о последних произведениях Шатобриана, Гюго и Ламартина, о чтении новых журналов и брошюр.

Обильный поток информации об интеллектуальной жизни Франции Пушкин полагал «живительным кислородом» для просвещенного русского читателя. Он предполагал постоянно помещать «Хронику русского» в своем журнале. Продолжение ее было напечатано в четвертом номере «Современника», а также в пятом номере, который Пушкин готовил к печати незадолго до смерти.

По своему характеру и материалу «Хроника русского» продолжала линию «Писем русского путешественника» Карамзина. Развивая его традицию, сделав «Хронику русского» зеркалом литературно-общественных движений, волновавших Западную Европу, Тургенев своей публицистической настроенностью перекликается с писателями декабристской ориентации («Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки, заграничные письма В. К. Кюхельбекера). Его корреспонденции являются связующим звеном между литературой путешествий писателей декабристского лагеря и последующими образцами этого жанра («Письма из Испании» В. П. Боткина, «Письма из Франции и Италии» А. И. Герцена).

Свою дань этому увлекательному жанру заплатили и писатели, путешествовавшие по России. Правда, у эпигонов Карамзина (В. Измайлова, П. Шаликова и других) жанр путешествий приобрел черты литературного штампа, и их путевые очерки заслуженно забыты. Но было одно необычное произведение этого жанра — «сатирическое воззвание к возмущению», как его назвал Пушкин; речь идет о «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева, которое произвело на Пушкина неизгладимое впечатление. В 1833—1835 гг. Пушкин пишет «Путешествие из Москвы в Петербург», которое по цензурным причинам не было напечатано при жизни автора, равно как и статья «Александр Радищев», предназначавшаяся для третьего номера «Современника» и запрещенная к печати С. С. Уваро-

вым. И все-таки одно собственное сочинение этого жанра, хотя и покалеченное цензурой и автоцензурой, Пушкину удалось напечатать. «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», появившееся в первом номере журнала, знаменовало победу писателя над бдительным «досмотром» цензурного ведомства. Зашифровав (в большинстве случаев) инициалами фамилии декабристов и лиц, близких к ним, Пушкин рассказал читателям о своих встречах и беседах с В. Д. Вольховским, М. И. Пузиным, В. А. Мусиным-Пушкиным, Н. Н. Раевским, П. П. Коновницким, И. Г. Бурцовым. Сдержанно, строго, с затаенным душевным волнением описана встреча писателя с телом убитого Грибоедова. Лапидарно, с умолчаниями и намеками составлено жизнеописание автора «Горе от ума». Обходя цензурные препоны, Пушкин писал о многом и о многих.

Пушкин вынужден был исключить мастерски написанный рассказ о своей встрече в Орле с некогда всесильным проконсулом Кавказа, опальным генералом А. П. Ермоловым. Эта «лакуна» несколько сместила акценты повествования, обеднила его; исчез колоритный образ Паскевича, возникавший в ироническом каламбуре Ермолова («Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно; говоря о легкости его побед, он сравнил его с Навином, перед которым стены падали от трубного звука, и называл графа Эриванского графом Ерихонским»).

Но были не только потери. В пятую главу «Путешествия в Арзрум» Пушкин включил свое стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...» (1830), выдав его за перевод «начала сатирической поэмы, сочиненной янычаром Амином-Оглу». В последние годы жизни Пушкин все чаще прибегал к литературным мистификациям — обстоятельства вынуждали говорить обиняками и намеками. Стихотворение построено на контрасте двух городов — сладострастного Стамбула, позабывшего истинную веру отцов, и аскетического Арзрума, свято соблюдающего благие обычаи старины. «Пушкин, приписывая свои стихи турецкому поэту, маскировал их широкое социальное содержание, злободневное и с точки зрения современной ему русской действительности»¹⁴. Пушкин писал о том, что «между Арзрумом и Константинополем существует соперничество, как между Казанью и Москвою». Мифическое соперничество этих двух городов прикрывало действительное соперничество Москвы и Петербурга. Пушкин касался этого вопроса в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» (XI, 247). Однако напечатать свои публицистические размышления ему не удалось. Даже четыре строки о соперничестве двух столиц, вставленные Пушкиным во вступление к «Медному всаднику», были перечеркнуты Николаем I. И естественно, что теперь Пушкину пришлось прибегнуть к

иносказанию. Он как бы проецирует вырождение и поражение янычар (15 июня 1826 г. Махмуд II разгромил восстание янычар и заменил их регулярными войсками) на судьбу «древней русской аристократии», борющейся с Петром I и его преемниками.

Пушкин стремился предать гласности свои мысли об оскудении старинных дворянских родов, судьба которых особенно волновала писателя. И как только ему удастся получить в свои руки печатный орган, он начинает печатать — то в полном, то в урезанном виде — произведения, отражавшие эту социально-историческую проблематику. Это и стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...» с его завуалированным восточным сюжетом; и маленькая трагедия «Скупой рыцарь» с пророчеством грядущего разорения барона Филиппа, с явной антитезой богатого старинного дворянина и толпы «ласкателей, придворных жадных», «в атласные дырявые карманы» которых скоро «потекут сокровища» его; это, наконец, «Родословная моего героя», где схожее противопоставление древнего и нового дворянства разворачивается на материале отечественной истории.

«Родословную моего героя» Пушкин напечатал в третьем номере «Современника», поставив жанровый подзаголовок: «отрывок из сатирической поэмы». Сатирическим описанием старинного дворянского рода Езерских (один из которых был «раздавлен как комар задами тяжкими татар», а другой — истовый боярин, «с большим бесчестьем выводим бывал из-за трапезы царской») не ограничивается обличительный пафос «Родословной моего героя». Ее язвительные строфы беспощадно разят тех, кои отреклись от своих предков, презирают их славу, честь и нравы, гордятся «красою *собственных заслуг*, звездой двоюродного дяди, иль приглашением на бал туда, где дед ваш не бывал». Трудно не распознать в этих строках осмеяния новоиспеченной аристократии, неказистая родословная которой возникла в смутные времена дворцовых переворотов XVIII в.

Сын Вяземского вспоминал в своих мемуарах о том, что отец его отговаривал Пушкина печатать «Родословную моего героя» в «Современнике». Поэт не послушался благоразумного совета. Благоразумие не принадлежало к числу его добродетелей. За свои убеждения, выношенные трудными годами жизни, Пушкин был готов идти на любые жертвы, не страшился подвергнуться остракизму влиятельной придворной аристократии. Если в памфлете «На выздоровление Лукулла» поэт «обесмертил» всемогущего министра народного просвещения Уварова, то в «Родословной моего героя» Пушкин обличал in concreto высокопоставленных сановников. Обвешанные лентами, орденами, званиями, чинами царедворцы отлично поняли, что именно их заклеймил поэт. Недаром А. И. Тургенев, наблюдая поведение

высшего петербургского общества в печальные январские дни 1837 г., записал в дневнике: «Знать наша не знает славы русской, олицетворенной в Пушкине». От дневниковой записи нельзя требовать неукоснительной точности. Вернее было бы сказать, что великосветская толпа хотела предать забвению имя поэта, не признававшего ее сомнительных заслуг.

Мне жаль, что тех родов боярских
 Бледнеет блеск и никнет дух;
 Мне жаль, что нет князей Пожарских,
 Что о других пропал и слух,
 Что их поносит и Фиглярин,
 Что Русский ветренный боярин
 Считает грамоты царей
 За пыльный сброд календарей...

Пушкин остро сознавал, какой непроходимый 'жизненный барьер отделяет знатных потомков безродных отцов от «демократических» сыновей потомственных, старинных дворян.

Я сам — хоть в книжках и словесно
 Собратья надо мной трунят —
 Я мещанин, как вам известно,
 И в этом смысле демократ;
 Но каюсь: новый Ходаковский,
 Люблю от бабушки московской
 Я толки слушать о родне,
 О толстобрюхой старине.
 Мне жаль, что нашей славы звуки
 Уже нам чужды: что спроста
 Из бар мы лезем в tiers-état...

Пушкин отменно знал судьбу третьего сословия. Внимательный читатель исторических трудов Гизо и Минье, поэт заинтересованным взором наблюдал социальные перемены, которые превратили французское третье сословие в господствующий класс буржуазной Франции, а лавочника Луи-Филиппа в короля «с зонтиком под мышкой», как его презрительно именовал Пушкин.

Сознавать, что он не властен избежать неумолимой социальной эволюции, что он сам становится частицею третьего сословия — что могло быть трагичнее этого сознания?..

Социальные проблемы, волновавшие Пушкина в «Родословной моего героя», получили отражение и в «Капитанской дочке», напечатанной в следующем номере «Современника». Конечно, многоплановое изображение действительности в повести, оложное переплетение общественных конфликтов несоизмеримы с социальным аспектом «Родословной моего героя». В «Капитанской дочке» Пушкин, изучивший труды французских историков (Гизо, Минье, Тьерри, Баранта), ищет и находит закономерности, которые привели Россию к революционному движению во време-

на Пугачева. Диалектическая мысль Пушкина с гениальной пронизательностью «высвечивает» несовместимые, казалось бы, крайности восприятия суровых уроков пугачевщины. На одном полюсе — трезвая оценка безысходности и трагичности крестьянского восстания, на другом — мощная поэтизация личности Пугачева. Между тем монументальному образу «славного мятежника» Пушкин противопоставляет старинный дворянский род Гриневых — пращур Гринева, который «умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святыней своей совести»; деда Гринева, который «пострадал вместе с Волынским и Хрущовым»; Гринева-отца, отказавшегося от присяги после государственного переворота 1762 г. и вынужденного уйти в отставку; наконец, Петра Гринева, верного присяге и благородного человека широких взглядов, сумевшего в какой-то мере пренебречь сословными предрассудками и в жизненно важном, рискованном, пожалуй, смертельно опасном диалоге с Пугачевым возвысившегося до признания масштаба его личности и понимания особой этики пугачевского бунта. Таким образом, родословная Гриневых безусловно проецируется на «Родословную моего героя»¹⁵. К тому же заключительные строки повести, где идет речь об оскудении и раздроблении имения Гриневых, снова напоминают о внутренней связи повести с «Родословной моего героя».

«Сословные пристрастия» Пушкина объясняются отнюдь не стремлением к возвеличению своего класса; дело было в ином: писатель противопоставлял старинные дворянские фамилии, являвшиеся, по его убеждению, носителями принципов честности и независимости, новоявленной аристократии, пресмыкавшейся перед верховной властью; таким образом, это «пристрастие» оборачивалось защитой передовых, просвещенных дворян, потомков старинных родов. Утопические мечты о спасительной общественной роли старинного независимого дворянства помогали ему жить и бороться, помогали надеяться на успех в борьбе с торгашески-буржуазными силами в литературе.

Представитель передового дворянского просветительства, Пушкин пронизательно распознал антигуманистическую сущность буржуазного общества.

Свое негативное отношение к буржуазному строю Пушкин составил по ряду источников, и в первую очередь по трудам французского публициста Токвиля. Юрист по образованию, он был послан в 1831 г. в Северо-Американские Соединенные Штаты для изучения местной пенитенциарной (тюремной) системы. Любопытный молодой ученый не ограничился этой узкой темой; он внимательно изучил американские нравы и написал книгу «Демократия в Америке» (“De la démocratie en Amérique”); Пушкин читал это сочинение (оно сохранилось в его библиотеке) и называл Токвиля автором «славной книги».

Аристократ по происхождению, Токвиль признал неизбежность торжества буржуазной демократии в современном ему обществе. Однако этот вывод не вызывал у него восторга. Он презирал буржуазию, видел корыстолюбие и безудержный эгоизм среднего сословия. Критика буржуазного образа жизни нашла полное понимание и сочувствие Пушкина, что наглядно видно из статьи «Джон Теннер», напечатанной в третьем томе «Современника».

Особый пласт документальной прозы «Современника» образуют произведения, посвященные Отечественной войне 1812 года. Приближался 25-летний юбилей знаменательной исторической эпопеи, когда пожар Москвы осветил путь русских войск на Париж. Пушкин счел необходимым достойно отметить эту дату в своем журнале. Во втором номере «Современника» он поместил записки Н. А. Дуровой и статью Вяземского о Наполеоне. По независящим от Пушкина причинам не смогла быть напечатана в этом номере мемуарная статья Дениса Давыдова «Занятие Дрездена».

Надежда Андреевна Дурова, дочь кавалерийского офицера, с 1806 г. сражалась против Наполеона. Александр I, узнав о том, что под именем улана Соколова воевала женщина, вызвал ее в столицу, велел именоваться Александровым и назначил ее корнетом в гусарский полк. При Бородине она была контужена, а затем служила ординарцем у Кутузова. Такова была необычайная биография женщины, которая прислала Пушкину свои записки.

Правдивые картины ожесточенных сражений с наполеоновской армией, трудный ратный подвиг отступления, непоколебимая вера в победу России, умелое сочетание автобиографического элемента повествования с эпической панорамой Отечественной войны — все эти достоинства записок женщины-улана привлекли к ним сочувственное внимание Пушкина. И не только внимание. Опытный редакторский карандаш издателя «Современника» изъясил из журнальной публикации те страницы, на которых фигура русской амазонки» слишком заслоняла собою центральный сюжет записок — всенародную борьбу с иностранным нашествием.

Листая второй номер «Современника», читатели еще раз могли убедиться в том, что военные отлично умеют владеть пером. В статье «Наполеон и Юлий Цезарь» Вяземский знакомил русскую публику с последней книжной новинкой, вышедшей в Париже, — с «Беглым взглядом на войны Юлия Цезаря», написанной Наполеоном на острове Святой Елены. Вяземский с восхищением писал о целеустремленности, энергии писательского таланта Наполеона («Наполеон-писатель необходимый комментатор Наполеона-полководца, политика и правителя»), об эпической цельности его натуры, о моральной стойкости его в последние годы жизни. В статье Вяземского «просвечивал» и автобиографи-

ческий подтекст. Тема душевной стойкости, моральной неустрашимости была кровно близка писателям пушкинского круга в 1830-е гг., когда их собственная судьба складывалась далеко не так, как им того хотелось.

Одним из достойнейших соперников Наполеона в военном искусстве являлся Барклай де Толли, облик которого «высечен» Пушкиным в стихотворении «Полководец»; оно было напечатано в третьем номере «Современника», и перед глазами читателей журнала возникало два трагических образа — Наполеона и Барклая де Толли, двух полководцев, поединок которых во многом определил ход Отечественной войны 1812 года.

Исторические приговоры зависят и от тех, кто их выносит, и от того, когда их пишут. Подчас апофеоз одного исторического деятеля является косвенным осуждением другого. Режим Луи-Филиппа не вызывал симпатий ни Пушкина, ни Вяземского. Порицать открыто его правление не дозволялось. Цензура Министерства иностранных дел внимательно следила за должным соблюдением «декорума». Другое дело — история. Хвалить Наполеона никому не возбранялось. Пусть при этом по контрасту становилась еще незначительнее фигура современного властителя Франции, короля «с зонтиком под мышкой», — скрытые исторические параллели не подвергались цензурному запрету. Статья Вяземского «Наполеон и Юлий Цезарь» прошла цензурное «чистилище» без всяких помех.

Иная судьба ожидала статью Дениса Давыдова «Занятие Дрездена», которую цензура немилосердно искромсала. «Статью о Дрезд(ене) не могу тебе прислать прежде, нежели ее не напечатают, ибо она есть цензурный документ, — сообщал Пушкин Давыдову в конце мая 1836 г. — Успеешь наглядеться на ее благородные раны. Покаместь благодарю за позволение — напечатать ее в настоящем ее виде. — А жаль, что не тиснули мы ее во 2-м № „Современника“, который будет весь полон Наполеоном? куда бы кстати тут же было заколоть у подножия Вандомской колонны генерала Винценгероде как жертву примирительную! — я было и рукава засучил! Вырвался, проклятый; бог с ним, черт его побери» (XVI, 121—122).

10 марта 1813 г. Давыдов самовольно захватил со своим отрядом Дрезден и по собственной инициативе заключил перемирие с генералом Дюрютом, который оборонял столицу Саксонии. Давыдова обвинили в нарушении приказа и лишили командования. Только заступничество Кутузова спасло его от военного суда. Начальником Давыдова являлся генерал Винценгероде, который был уязвлен тем, что Давыдов замахнулся не по чину: заслуга взятия Дрездена должна была принадлежать не лихому кавалеристу, а ему, генералу Винценгероде. Он собирался отдать Давыдова под военный суд, а теперь, два десятилетия спустя,

тот, в свою очередь, стремился предать незадачливого генерала суду Истории. И тот и другой потерпели неудачу: Давыдова вызволил Кутузов, за Винценгероде заступилась цензура.

Лишенная полемического задора статья Давыдова «Занятие Дрездена» была напечатана в четвертом номере «Современника», а в третьем номере появилась его же статья «О партизанской войне», также пострадавшая от «крайнего разумения» военной цензуры. К партизану-писателю Давыдову фортуна была благосклоннее в боях с неприятелем, нежели в сражениях с неприступными бастионами цензурного ведомства¹⁶.

Об Отечественной войне 1812 г. писал и издатель «Современника». В «Отрывке из неизданных записок дамы (1811)» показано, как в русском обществе накануне решительной схватки с Наполеоном пустые разглагольствования офранцузенных лжепатриотов сталкивались с проявлениями истинно патриотического чувства лучших представителей дворянства. «Обезьянам просвещения» Пушкин противопоставляет образ Полины — героини, которая восхищается Марфой Посадницей, Шарлоттой Корде, мадам де Сталь.

В «Объяснении» по поводу стихотворения «Полководец» Пушкин писал, что «слава Кутузова неразрывно соединена со славой России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титло: спаситель России; его памятник: скала святой Елены!» Издателю «Современника» была чужда официальная версия о решающем влиянии Александра I на ход войны с Францией. В стихотворениях «Полководец» и «Перед гробницею святой...» Пушкин воссоздал «портреты» двух военачальников, талант которых помог русским армиям победоносно войти в Париж.

В стихотворении «Ночной смотр» Жуковского, в статьях Вяземского вставала во весь рост величественная фигура корсиканского завоевателя. И чем монументальнее был этот образ, тем достойнее представлялась победа, одержанная русским народом над полчищами Наполеона.

Для пушкинского «Современника» характерно жанровое разнообразие документальной, мемуарной, публицистической прозы. Вот еще один пример. Со слов старших современников Пушкин записывает меткие суждения исторических лиц, анекдоты, которые по-новому, иногда довольно неожиданно «высвечивают» деятелей русского XVIII в. Затем он объединяет эти записи, сделанные на разрозненных листках, в отдельный «цикл» под названием «Table-talk» — «Застольные разговоры».

Подготавливая к печати третий номер «Современника», Пушкин выбирает из пачки «Table-talk» одиннадцать сюжетов и печатает их в журнале под общим названием «Анекдоты». Потемкин и Румянцев, Петр I и Екатерина II — таковы «действующие

лица» этих миниатюр, в которых память современников запечатлела живые черты лиц, навсегда вошедших в русскую историю. Анекдоты и раньше встречались на страницах отечественных журналов; в своем большинстве это были колоритные сценки по разным незначущим поводам. Под пером Пушкина анекдот превратился в ответвление документальной исторической прозы.

Принципиальная установка на документ трансформировала творческую манеру Пушкина, значительно расширила диапазон его прозаических жанров. «Отношение к материалу историческому для Пушкина вытекает из его работы над стиховым эпосом — материалы „вызываются“ современной точкой зрения. Так, в „Арапе Петра Великого“ Пушкин разрабатывает материалы своей родословной, бывшие актуальными для него сначала как составная часть его „поэтического лица“, а затем актуализированные социальными вопросами („Моя родословная“). <...> Литературная эволюция, проделанная им, была катастрофической по силе и скорости. Литературная его форма перерастала свою функцию, и новая функция изменяла форму. К концу литературной деятельности Пушкин вводил в круг литературы ряды внелитературные (наука и журналистика), ибо для него были узки функции замкнутого литературного ряда. Он перерастал их»¹⁷. Эти замечания Ю. Н. Тынянова (высказанные еще в 1928 г.) о взаимозависимости истории и современности в пушкинском творчестве, имеют первостепенное значение при анализе деятельности Пушкина как редактора журнала и автора собственного печатного органа.

Документальная проза «Современника» не была бесстрастным реестром исторических фактов или сухим перечнем минувших событий; ее отличительная черта — то скрытая, то явная перекличка с современностью; публицистический «уклон» документальной прозы журнала отчетливо виден во многих статьях «Современника». В этом отношении весьма показательна статья Пушкина «Российская Академия». На первый взгляд автор пересказывает материалы, содержащиеся в брошюре «Заседание, бывшее в Российской Академии 18 января 1836 года». Между тем обращение Пушкина к этой брошюре позволило ему поставить цензуру в затруднительное положение. Непременный секретарь академии Д. И. Языков привел в своей речи извлечения из знаменитой полемики Фонвизина с Екатериной II — «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных людях особое внимание». Во времена Пушкина вопросы Фонвизина и ответы Екатерины II вызвали бы цензурные затруднения, если бы какой-нибудь журнал вздумал их напечатать. Однако для академической брошюры общие цензурные правила не действовали. Пушкин умело воспользовался этим обстоятель-

ством и перепечатал в «Современнике» те страницы брошюры, на которых была помещена запрещенная полемика; он справедливо рассудил, что цензору будет неудобно вычеркивать красным карандашом текст, только что появившийся в печати. Расчет Пушкина оправдался; ему удалось ознакомить читателей «Современника» с позабытой страницей русской сатирической литературы XVIII в.

Статья Пушкина «Российская Академия» знаменательна еще одним публицистическим сюжетом. Краткая статья президента академии А. С. Шишкова «Нечто о Карамзине», прочитанная на заседании 18 января П. А. Ширинским-Шихматовым, дала удобный повод Пушкину вспоминать о «потаенном» труде историографа: «По вызову государыни великой княгини, женщины с умом необыкновенно возвышенным, Карамзин написал свои мысли о древней и новой России, со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого. Государь прочел эти красноречивые страницы... прочел и остался по-прежнему милостив и благосклонен к прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оценит и величие государя и благородство патриота...» Воспоминание о Карамзине имело современный акцент: «Это был новый — еще один — призыв к Николаю I внимать прямодушному голосу предстателей за просвещение»¹⁸.

Издатель «Современника» собирался печатать записку «О древней и новой России» в своем журнале. 11 октября 1836 г. А. Л. Крылов отметил карандашом сомнительные места (их оказалось примерно две пятых всего текста) и представил рукопись в цензурный комитет. Но Пушкин продолжал надеяться, что ему удастся преодолеть затруднения. В его бумагах сохранилось следующее примечание к записке «О древней и новой России»: «Во втором № „Современника“ (на 1836 год) уже упомянуто было о неизданном сочинении покойного Карамзина. Мы почитаем себя счастливыми, имея возможность представить нашим читателям хотя отрывок из драгоценной рукописи. Они услышат если не полную речь великого нашего соотечественника, то по крайней мере звуки его умолкнувшего голоса» (XII, 185).

Пушкин не дождал до этого счастливого дня — 28 октября записка Карамзина была запрещена цензурой, и лишь в посмертном, пятом томе «Современника» Жуковскому удалось напечатать отрывок из рукописи «О древней и новой России» вместе с примечанием Пушкина.

В пушкинском «Современнике» помещены две статьи по теории литературы — «О рифме» Е. Ф. Розена и «Новая поэма Э. Кине» П. А. Вяземского. И та и другая по-своему примечательны; и та и другая заслуживают пристального внимания.

«Скупой рыцарь» Пушкина и статья Розена «О рифме», напечатанная вслед за этой маленькой трагедией в первом номере журнала, составляют примечательный «дуэт». Пушкин, вероятно, с умыслом поместил их рядом. Белый стих трагедии, в которой наперечет рифмованные строки, соседствует с пылкой инвективой Розена, заклеившего рифму побрякушкой, коей человечеству приличествует забавляться лишь в незрелом возрасте.

Вряд ли Пушкин разделял столь уничижительное мнение о рифме; но страстная защита безрифменного стиха, к ритмической гармонии которого охотно склонялся поэт в зрелые годы своего творчества, безусловно должна была вызвать благожелательное внимание издателя «Современника».

Белый стих отменно зарекомендовал себя в русской поэзии опытами Державина, Гнедича, Жуковского, Дельвига и Пушкина, напоминал читателю автор. Напоминал об этом и чеканный белый стих, которым Жуковский перевел балладу австрийского поэта Цедлица «В двенадцать часов по ночам...», напечатанную в том же первом номере «Современника».

Автор статьи «О рифме» знал, что Жуковский переводил гекзаметром и отрывки из «Илиады», напечатанные в «Северных цветах на 1829 год», и «Войну мышей и лягушек», отданную им в «Европеец» (1832, № 2), и повесть немецкого писателя Фуке «Ундина» (1832—1836). Впрочем, к белому стиху Жуковский обращался и ранее («Красный карбункул», 1816; «Тленность», 1816; перевод драмы Шиллера «Орлеанская дева», 1817—1821). В свое время пристрастие Жуковского к белому стиху вызвало язвительную эпиграмму Пушкина:

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если это проза,
Да и дурная?..

Первые две с половиной строки эпиграммы повторяли начало стихотворения Жуковского «Тленность». Но с тех пор прошло почти два десятилетия, и Пушкин стал значительно терпимее относиться к белому стиху. Вероятно, рифма и белый стих не раз были предметом горячих споров в пушкинском кругу, и, таким образом, статья Розена «О рифме» является и творческим откликом на эти дружеские беседы. Рассказывая о своем переводе «Одиссеи», Жуковский писал Вяземскому 19 февраля (3 марта) 1849 г.: «...большое наслаждение биться на кулачки с таким молодцом, как Гомер (лишь бы только не выйти из боя с разбитым рылом); но кажется этого не будет; сколько можно самого себя судить, мой перевод довольно близко выражает Гомеровскую старину и простоту, и вторая половина, кажется мне, святее первой: я врезался в свойство Гомеровых стихов (и этим обязан я Пушкину...)». Перед нами

документальное свидетельство того, что перевод отрывков из «Илиады», сделанный Жуковским в конце 1820-х гг., подвергался критическому рассмотрению со стороны Пушкина, — и это подтверждает нашу мысль о том, что статья «О рифме» является отголоском бесед Пушкина и его литературных соратников, их споров о будущем русского стиха.

«Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху, — писал Пушкин в „Путешествии из Москвы в Петербург“. — Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. *Пламень* неминуемо тащит за собой *камень*. Из-за *чувства* выглядывает непременно *искусство*. Кому не надоели *любовь и кровь, трудной и чудной, верной и лицемерной* и проч...» (XI, 263).

С одной из этих традиционных рифм, над которыми не без основания подшучивал Пушкин, начинается и его собственное стихотворение из Андре Шенье, напечатанное в первом номере «Современника»:

Покров, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью
Алкиду передан...

Обойтись без этих назойливых рифм просто было невозможно, и естественно, что Пушкина волновала ограниченность репертуара русской рифмы. Он, как и большинство поэтов первой половины XIX в., был приверженцем точной рифмы, ограниченные возможности которой были ему отчетливо видны; отсюда и повышенное внимание его к белому стиху. «В начале лицейского периода Пушкин находился под некоторым влиянием державинской традиции, и у него можно найти неточные рифмы. Затем он переходит на новую систему точных рифм...»¹⁹ Неточная рифма противоречила самой сокровенной сущности поэтического дарования Пушкина, стремившегося к ясности и точности форм. Когда поэт осознал, что арсенал точных рифм невелик, что появляется опасность поэтического шаблона, то естественно, что он, минуя нежеланную для него область неточной рифмы, стал прибегать к белому стиху. Таким образом, статья «О рифме», несмотря на ее парадоксальный характер и крайние выводы, в какой-то мере соотносилась с раздумьями самого Пушкина.

Если работа Розена обсуждала важный, но тем не менее частный вопрос, то статья П. А. Вяземского «Новая поэма Э. Кине» была посвящена более общей проблематике. Поэма французского поэта Кине явилась удобным поводом для теоретического осмысления литературного движения во Франции.

Рассматривая эволюцию французской словесности, высказывая критические суждения о французском классицизме, Вяземский отметил, что даже его наиболее талантливые представители

«при всей отважности и разрушительности в понятиях и системах своих свято почитали неприкосновенность существовавших форм, которая в Вольтере имела посягателя на все предания, за исключением преданий Депрео и Расина...». Об отставании художественной формы от содержания литературы писал и Пушкин в незаконченной статье «О ничтожестве литературы русской» (1834).

В своей статье Вяземский писал о том, как истощилась «литература монархии Людовика XIV и даже литература мятежного XVIII века», как на смену незыблемому регламенту классицизма пришло освобождение от неприкосновенности литературных форм, как необузданный романтический гений завладел словесностью.

По наблюдению Вяземского, чопорная, в накрахмаленной мантии муза классицизма и пренебрегающая всеми приличиями романтическая «дикая островитянка», при всех разительных отличиях друг от друга, имеют общую, им обеим присущую черту, — им обеим недостает простоты, а ведь именно «истина и простота — вот две главные стихии поэзии...», в которых «талант отыщет силу и возвышенность». Теоретик и пропагандист русского романтизма 1810—1820-е гг., Вяземский чутко уловил назревавшую литературную революцию; он понял, что «звездный час» романтизма уже миновал. В статье «Новая поэма Э. Кине» критик порицал романтизм за пристрастие к исключительным сюжетам, за стремление брать образцом для своих произведений не типическое, а из ряда вон выходящее, экзотическое. Говоря о эволюции французской словесности, Вяземский имел в виду и общие эстетические каноны, которые видоизменяли «лик» европейских литератур, и в том числе, конечно, отечественной. В своих требованиях к современной литературе он ориентировался в первую очередь на творчество Пушкина, которое, воплощая более совершенный эстетический идеал, способствовало кристаллизации историко-литературных взглядов его соратников.

В том же втором номере «Современника», где появилась теоретическая статья Вяземского, Пушкин напечатал анонимно свою остропублицистическую статью «Французская академия», в которой раздумья о современной литературе сфокусированы на извечной проблеме «писатель и общество».

Издатель «Современника» был твердо убежден в том, что только независимость писателя от властей и общественного мнения является порукой истинного вдохновения.

Рассуждения Скриба о французской комедии позволили Пушкину делиться с читателем своими сокровенными мыслями о тягостном положении писателя в современном обществе. Пушкин напишет стихотворение «Из Пиндемонти», в котором также вы-

скажет свою неприязнь как к самодержавной, так и к парламентской форме правления:

Зависеть от царя, зависеть от народа —
 Не все ли нам равно? Бог с ними. Никому
 Отчета не давать, себе лишь самому
 Служить и угождать; для власти, для ливреи
 Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
 По прихоти своей скитаться здесь и там,
 Дивясь божественным природы красотам
 И пред созданиями искусств и вдохновенья
 Трепеща радостно в восторгах умиленья.
 — Вот счастье! вот права...

Скриб отставил мысль о независимом характере литературных явлений, указывал, что «во время самых жестоких периодов революции» на театре «давали „Прекрасную Мызницу“, комедию пастушескую и чувствительную», а «при восстановлении Бурбонов, правлении мирном, лавры, военные мундиры завладели сценою; Галия надела эполеты!»

И хотя Вильмен убедительно возражал Скрибу, утверждая, что век Людовика XIV отразился в комедиях Мольера, что жеманная драма Мариво, Дора и Лану запечатлела утонченный разврат нравов XVIII в., что «Свадьба Фигаро» — «бесценное сведение для истории», тем не менее Пушкину более импонировала точка зрения Скриба. Отсутствие жесткой синхронной зависимости между явлениями литературными и общественными представлялось ему панацеей от печальной необходимости вечно угождать необлагороженному читательскому вкусу и литературным пристрастиям властей (Пушкин, конечно, помнил, как Николай I советовал ему «перелицевать» «Бориса Годунова»). Кроме того, тезис о связи литературы с политическими событиями позволял обскурантам науськивать власти на писателей. По всем этим соображениям Пушкин в статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной» («Современник», № 3) вступил в полемику с Гоголем, который в обзоре «О движении журнальной литературы» полагал, что нынешняя «опрометчивая, бессвязная французская словесность была следствием политических волнений». «В словесности французской совершилась своя революция, чуждая политическому перевороту, ниспровергшему старинную монархию Людовика XIV, — писал Пушкин. — В самое мрачное время революции литература производила приторные, сентиментальные, нравоучительные книжки. Литературные чудовища начали появляться уже в последние времена короткого и благочестивого Восстановления (Restauration)». Пушкин почти дословно повторяет мысль Скриба; так историко-литературные дебаты во Французской академии отразились в полемическом выступлении издателя «Современника».

В той же статье Пушкин констатировал, что влияние французской словесности на русскую литературу идет на убыль, что русская поэзия «более и более дружится с поэзией германскою и гордо сохраняет свою независимость от вкусов и требований публики». Прежде безоговорочный приверженец французской культуры, Пушкин ныне признает, что литературное первенство переходит на берега Рейна: «Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и хотя говорили они языком мало понятным для непосвященных, но тем не менее их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутительно».

Благожелательное отношение Пушкина к немецкой философии, к ее проникновению в русскую культурную традицию, вероятно, отразилось на сочувственном восприятии им поэзии Тютчева. Если Жуковский и Вяземский собирались напечатать пять или шесть стихотворений, то Пушкин опубликовал в третьем номере «Современника» шестнадцать поэтических миниатюр Тютчева. Не ограничиваясь этой обширной подборкой, издатель «Современника» напечатал в четвертом номере журнала еще семь его стихотворений. Большой поэт чужд литературного сектанства, «кастовой» ограниченности; он в силах оценить дар другого поэта, даже если их творческие устремления во многом различны.

Иное осознание бытия, отнюдь не «равнодушная природа» возникали в строках молодого русского дипломата, присланных из Мюнхена. Шеллингианская картина мира, которая ранее ощущалась в тяжеловесном косноязычии Шевырева, теперь обрела классическую ясность и поэтическую точность в пейзажной лирике Тютчева. Органическое вживание в мир классических образцов было свойственно и историко-философским его стихотворениям:

Счастлив, кто посетил сей мир
 В его минуты роковые —
 Его призвали всеблагие,
 Как собеседника на пир...

Эта историко-философская фреска Тютчева, ее оптимистическая, всепобеждающая тональность, торжествующая над трагическими аккордами жизни, созвучна стихам Пушкина:

Все, все, что гибелью грозит,
 Для сердца смертного таит
 Незъяснимы наслажденья —
 Бессмертья, может быть, залог,
 И счастлив тот, кто средь волненья
 Их обретать и ведать мог.

И пусть герой «Пира во время чумы» сам находится в смертельной опасности, а тютчевский Цицерон лишь «высоких

зрелищ зритель», лишь очарованный наблюдатель исторического катаклизма — и тот и другой посетили «сей мир в его минуты роковые», и тот и другой с наслаждением ощущают грань, отделяющую бытие от небытия, и тот и другой отмечены печатью бессмертия.

Гибелью грозит не только смерть, но и жизнь; в стремительной смене поколений — вечная угроза тем, чьи чувства и помыслы обращены только в минувшее.

Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

Вечный конфликт отцов и детей, вечное борение старого и отжившего с нарождающимся и новым — такова тема стихотворения Тютчева «Как птичка раннюю зарей...»; в заключительной строфе его сконденсирована неизбывная горечь тех, кого поэт назвал «обломками старых поколений». Между тем такова судьба каждого поколения; этот печальный жребий уготован и тем, кто сегодня еще молод. Поэтому строки Тютчева вечны.

Но помимо этой вселенской общности они выражают чувства одного-единственного поколения. Того поколения, бурная судьба которого так безжалостно переломилась на Сенатской площади, поколения, которое так стремительно созрело и так внезапно стало взрослее своих лет. Это — поколение Пушкина и его литературных соратников. Воспитанные в начале «дней Александровых», все они стали пасынками в николаевскую эпоху. Их исторический и социальный закат и выразил Тютчев — младший современник Жуковского, Вяземского, Пушкина²⁰.

Тютчевский цикл в «Современнике» прошел незамеченным и читателями, и критикой. Лирика Бенедиктова имела в те годы несравненно больший успех, нежели творчество Тютчева, одного из наиболее совершенных мастеров русского поэтического слова. Признание пришло к Тютчеву позднее; в тридцатые же и сороковые годы талант его ценили лишь в узком кругу любителей изящного.

Его поэтическая судьба сложилась необычно. Жизнь в Мюнхене помешала Тютчеву своевременно сблизиться с Пушкиным и его литературными друзьями. Он вернулся в Россию лишь в 1844 г., когда Пушкин уже покоился в ограде Святогорского монастыря, а Жуковский затворился в Германии. Как Цицерон «застигнут ночью Рима был», так и Тютчев стал зрителем заката писателей пушкинского круга. И не только зрителем, но и одним из главных действующих лиц этой исторической трагедии.

В «Современнике» также состоялось поэтическое рождение Виктора Теплякова, «Фракийские элегии» которого заслужили

сочувственную рецензию Пушкина. Сборник молодого поэта еще не успел поступить в продажу, а издатель «Современника», достав корректурные листы, уже знакомил читателей с его стихотворениями, написанными в ином стилистическом ключе, нежели Тютчевский цикл.

У Тютчева — сдержанная, немногословная поэтическая речь, отсутствие риторики и вычурных словесных фигур, предельная экономия художественных средств.

У Теплякова — бурный словесный поток, в котором мелькают мысли, образы, метафоры; порой возникают неудачные сравнения и неточные выражения, отмеченные, кстати сказать, в рецензии Пушкина. Но отдельные недочеты не затмевали неоспоримых достоинств его элегий. Наибольшей похвалы, по мнению Пушкина, заслуживает элегия «Гебеджинские развалины».

Ты прав, божественный певец:
 Века веков лишь повторенье!
 Сперва — свободы оболыщенье,
 Гремущки славы наконец;
 За славой — роскоши потоки,
 Богатства с золотым яром,
 Потом — изящные пороки,
 Глухое варварство потом!

«Это прекрасно! Энергия последних стихов удивительна!» — заключает Пушкин.

Эпilog «Гебеджинских развалин», который так высоко оценил Пушкин, выделяется и поэтическим мастерством, и стремительным развитием мысли; в нескольких строках четырехстопного ямба распрямляется тугая историческая пружина — неумолимая смена эпох — от греческого полиса до римской империи, до «изящных пороков», предвестников социальных катастроф, наследникам которых грядет «глухое варварство» средневековья. И тут поэтическое прозрение Теплякова словно пересекается с размышлениями Тютчева, с трагическим жребием Цицерона, который «среди бурь гражданских и тревоги» узрел с Капитолийской высоты закат римской империи.

Пушкин оценивает поэзию Теплякова по самому большому счету: он сравнивает его элегии с прославленной поэмой Байрона. И хотя «фантастическая тень Чильд-Гарольда сопровождала г. Теплякова на корабле, принесшем его к фракийским берегам», «но уже с первых стихов поэт обнаруживает самобытный талант», утверждает издатель «Современника».

Справедливость требует сказать, что в стихотворениях Теплякова наряду с Байроном незримо присутствует и русский певец морской стихии — Пушкин (элегия «Погасло дневное светило...», «К морю», «Арион»). Свободолюбивый пафос двух мятежных

поэтов нашел взволнованный «отзвук» в строках фракийского скитальца о том, что «в минуту разлученья» с родиной

Одно минувшее мудреным, тяжким сном
В тот миг душе твоей мелькало,
И юности своей избитый бурей челн,
И бездны, перед ней отверстые, казало!

Современники, знавшие жизненный путь Теплякова, который пострадал за отказ принести присягу Николаю I, могли по достоинству оценить трагический подтекст его элегии. Строфы, трижды повторявшие скорбный рефрен об отчизне:

Там никому меня не жаль!
Синей, синей чужая даль!
Седые волны, не дремите!

вызывают восторженную похвалу Пушкина: «Тут есть гармония, лирическое движение, истина чувств».

Лирические произведения самого Пушкина, напечатанные в «Современнике», — «Пир Петра Первого», «Стамбул гяуры нынче славят...», «Покров, упитанный язвительно кровью...», «Полководец», «Перед гробницею святой...», «Родословная моего героя» — давно вошли в золотой фонд русской поэзии. Чтение произведений Пушкина на страницах его журнала дает нам счастливую возможность живо почувствовать, казалось бы, безвозвратно ушедшее время, понять и стать как бы соучастниками того высокого эстетического наслаждения, которое испытывали друзья Пушкина и его приверженцы в те дни, когда томики «Современника» оказывались в их руках.

Наш обзор пушкинского журнала не претендует на исчерпывающую полноту. Его задача — помочь современному читателю свободнее ориентироваться в этом уникальном печатном издании, отчетливее представить себе его значение для отечественной словесности. Поэтому необходимо сказать несколько слов о структуре «Современника»: она разительно отличалась от популярных журналов того времени — как иностранных, так и отечественных. Заслужившие европейскую известность английские периодические издания — «Эдинбургское обозрение», «Квартальное обозрение» и др. — «были чисто критическими. Все содержание их составляли исключительно рецензии на книги и другие издания. <...> Достаточно сопоставить любые номера этих журналов с четырьмя книжками „Современника“, чтобы убедиться, насколько они не похожи по существу на журнал Пушкина, в котором, напротив, львиная доля отдана художественной литературе — прозе и стихам, воспоминаниям и статьям на собственные темы...»²¹.

Сравнение же пушкинского издания с русскими журналами показывало, что специфика «Современника» — «несомненно в установке на оригинальный материал. „Телеграф“ и „Телескоп“ дер-

жались почти целиком на переводах. <...> „Библиотека для чтения“ и „Северная пчела“ также широко пользовались иностранной прессой. Напротив — в „Современнике“ почти нет переводов, за исключением „Французской академии“ (перевод вступительной речи Скриба) и „Джона Теннера“ (близкий подлиннику пересказ главных эпизодов)»²².

Ориентация на отечественный литературный материал сближала «Современник» с лучшими образцами отечественных альманахов, и в первую очередь с «Северными цветами». «Пушкинский „Современник“ был альманахом, перераставшим в журнал»²³. Вместе с тем разнообразие небеллетристических жанров позволяет говорить о точках соприкосновения между «Современником» и английскими журналами.

Сочетание лучших достижений русского художественного альманаха с традицией высокопрофессиональной английской критической периодики создало неповторимый феномен пушкинского «Современника». «Современник» был уникальным явлением в русской журналистике. Содержание его отличалось такой умственной зрелостью, настолько находилось наравне с европейским просвещением, что журнал не смог найти достаточно широкой аудитории и тираж его падал от номера к номеру. В борьбе с «Библиотекой для чтения» «Современник» был обречен потерпеть неудачу. Пушкин, желавший поднять читающую публику до своего уровня, до своих эстетических требований, явно переоценил художественный вкус и умственные запросы современников. А, может быть, он и понимал трудность своего начинания, но не хотел и не мог уступить обстоятельствам.

Обстоятельства же были крайне неблагоприятные. Издатель «Современника» столкнулся с серьезными цензурными препонами. Цензура запретила статью Пушкина о Радищеве, записку «О древней и новой России» Карамзина, стихотворение Тютчева «Два демона», очерк А. А. Фуке «Поездка из Казани в Нижний Новгород», перевод статьи «Применение системы Галля и Лафатера к изображению пяти участников покушения на жизнь Луи-Филиппа».

Многие произведения пострадали в цензурном «чистилище». Среди них «Взятие Дрездена» и «О партизанской войне» Д. Давыдова, «Хроника русского» А. И. Тургенева, «Прогулка по Москве» М. П. Погодина, стихотворение Тютчева «Не то, что мните вы, природа...», повесть Гоголя «Нос», «Путешествие в Арзрум» Пушкина...

Но главная трудность состояла в обретении новых талантливых сотрудников — таких, которые обеспечили бы журналу жизнеспособность в обстановке неотвратимых социальных процессов, приводящих к уменьшению влияния передовой дворянской литературы в отечественной культуре.

Неожиданный отъезд за границу Гоголя летом 1836 г. очень осложнил положение Пушкина-издателя. Нужно было компенсировать потерю, пригласить молодого, энергичного сотрудника. Выбор Пушкина пал на Белинского. При посредничестве П. В. Нащокина издатель «Современника» начинает вести переговоры с критиком «Телескопа». Вероятно, привлечение к сотрудничеству Белинского создало бы благоприятный перелом, помогло бы Пушкину изжить журнальную замкнутость, сделало бы возможным участие в его печатном органе литераторов разночинной ориентации, способствовало бы альянсу передовых дворянских и демократических писателей, словом, «Современник» мог бы стать таким же популярным изданием, каким несколько лет спустя стали обновленные «Отечественные записки». Во всяком случае стремление привлечь Белинского к участию в «Современнике» крайне симптоматично; оно свидетельствует о желании Пушкина противодействовать социальной изоляции.

Трудно сказать, как сложились бы взаимоотношения Пушкина и Белинского; но вряд ли они были бы идиллическими. На выход первого тома пушкинского журнала Белинский откликнулся рецензией в газете «Молва», где писал: «„Современник“ есть явление важное и любопытное сколько по знаменитости имени его издателя, столько и от надежд, возлагаемых на него одною частью публики, и страха, ощущаемого от него другою частью публики»²⁴.

Однако содержание первого тома «Современника» не вызвало особого восторга критика.

«„Современник“ состоит из пяти стихотворений и 11 прозаических статей. Стихотворения вообще не без достоинства, кроме „Розы и кипариса“. „Пир Петра Великого“ отличается бойкостью стихов и оригинальностью выражения. „Скупой рыцарь“, отрывок из Ченстоновой трагикомедии, переведен хорошо, хотя как отрывок и ничего не представляет для суждения о себе. Но „Ночной смотр“ Жуковского есть одно из тех стихотворений, которых у нас теперь в целый год является не больше одного или двух...»²⁵.

Суровая оценка многих произведений, помещенных в журнале, свидетельствует о том, что у Пушкина и Белинского не совпали эстетические критерии, что отличалась шкала ценностей, по которой тот и другой судили о художественных достоинствах и познавательной ценности произведений. Сказывалась разница лет, образования, привычек, социальных пристрастий. Говоря о «Современнике», Белинский утверждал, что этот журнал является пятым по счету; и хотя критик не назвал поименно, какие журналы, по его мнению, принадлежат к этому же направлению, безошибочно можно сказать, что предшественниками «Современника» Белинский считал «Московский вестник», «Литературную

газеты», «Европейца» и «Московский наблюдатель». При всех их различиях эти печатные органы отличались некоторой общностью, обусловленной принадлежностью их участников к кругу дворянских литераторов.

Влияние журнальной расстановки сил несомненно повлияло на рецензию Белинского о первом томе «Современника». Но журнальная борьба была не единственной причиной сдержанности Белинского; его во многом не удовлетворяло содержание «Современника», что подтверждается и его следующей статьей, посвященной журналу Пушкина. В рецензии «Вторая книжка „Современника“, напечатанной в «Молве», Белинский учинил разное отрывку из трагедии Розена «Дочь Иоанна III», статьям Вяземского о «Ревизорё», о «Наполеоне, поэме Э. Кине». Досталось и статье Одоевского «О вражде к просвещению...», о которой Белинский писал: «Забавнее всего, что „светский“ критик „Современника“, соблазнившись мыслию Скриба, что в литературе всегда отражается прошедшее, а не настоящее состояние общества, так восхитился ею, что уцепился за нее обеими руками, тербит ее так и сяк и прилагает кстати и некстати к русской литературе»²⁶.

Рецензия Белинского появилась в начале августа, а в третьем номере «Современника», одобренном к печати почти два месяца спустя, Пушкин помещает свою статью «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности...», в которой вслед за В. Ф. Одоевским повторяет мысль Скриба. Трудно представить, что Пушкин к тому времени не ознакомился с рецензией Белинского²⁷. Скорее всего, он ее уже прочитал, но аргументация критика не убедила издателя «Современника»: он счел необходимым повторить тезис Скриба. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что Пушкину приходилось одновременно полемизировать с обскурантом Лобановым и передовым критиком Белинским — общественными антагонистами, исходившими из противоположных социальных воззрений.

Цензурные условия порой вынуждали Пушкина смягчать свои формулировки, выражаться иной раз намеками и обиняками. Но высказывать мнения, противоположные собственным воззрениям, Пушкин не стал бы ни в коем случае. Основной пафос его выступления против Лобанова не подлежит двоякому истолкованию. Провокационному характеру речи Лобанова, который сетовал на то, что «по множеству сочиняемых ныне безнравственных книг цензуре предстоит непреодолимый труд проникнуть все ухищрения пишущих», Пушкин противопоставляет свое глубокое убеждение в том, что русская литература не являет зрелище нравственного упадка, что беспочвенны попытки академического Аристарха обнаружить в отечественной словесности множество «дерзких, злонамеренных писателей».

Пушкин категорически отвергает верноподданнический домысел Лобанова.

Значительно сдержаннее ответ Пушкина об уровне литературной критики, которая «редко сохраняет важность и приличие, ей свойственные; может быть, ее решения часто внушены расчетами, а не убеждением. Неуважение к именам, освященным славою (первый признак невежества и слабomyслия), к несчастию, почитается у нас не только дозволенным, но еще и похвальным удалством». Конечно, Пушкин имел в виду здесь общее состояние литературной критики, а отнюдь не одного Белинского, которого он не стал бы упрекать в расчетливости и отсутствии убеждений. Это был выпад по адресу литераторов «торгового» направления, тех, кто, по мнению издателя «Современника», унижали словесность («Было время — литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок» — XV, 124). Но слова о критиках, которые не уважают славных имен, подразумевали и Белинского. Ведь в том же номере «Современника» Пушкин в «Письме к издателю» писал, что Белинский «обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостью мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности,— словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного».

Возможно, Белинский не знал, что «Письмо к издателю», подписанное псевдонимом «А. Б.», принадлежит Пушкину. Но он был уверен, что эта похвала, сопровождаемая существенными оговорками, соответствует точке зрения издателя «Современника». Несколько лет спустя в обзоре «Русская литература в 1840 году» Белинский писал: «Пушкин не раз изъявлял свое негодование на дух неуважения к историческому преданию и заслуженным авторитетам отечественной литературы,— неуважение, которым обозначилось новейшее критическое движение: мы понимаем это оскорбление великого поэта, но не разделяем его. Этот дух неуважения не случайность, и причина его заключается не в буйстве, не в невежестве, но в разумной необходимости»²⁸.

Почтительно, но в то же время безоговорочно отвергает Белинский упреки Пушкина. При всем своем уважении и любви к Пушкину Белинский тем не менее не мог выразить согласия с его обвинениями. Это была не мелочная обида (как известно, Белинский умел признавать свои ошибки), а принципиальное расхождение во взглядах. У истоков этого спора — не случайные журнальные нападки, а разность социальных позиций — шестисотлетнего дворянина Пушкина и разночинца Белинского.

Но вопреки всем различиям Пушкин и Белинский чувствовали влечение друг к другу. Гибель Пушкина оборвала их намечавшееся сотрудничество на журнальном поприще...

Лишь четыре номера своего журнала успел издать Пушкин. Читатели настоящего издания, взяв в руки их факсимильное воспроизведение, могут воочию убедиться, каким «полнокровным» созданием отмечен дебют Пушкина-издателя. «Новорожденному» щедро дали на зубок и сам издатель, и его литературные соратники; журнал, который Пушкину удалось издать, вопреки недоброжелательству сильных мира сего, вопреки враждебности болгаринных и сенковских, отличался новизной и разнообразием критических статей, путевых очерков и стихотворений. Ни один печатный орган того времени нельзя поставить вровень с пушкинским журналом.

По высокому художественному уровню, по интеллектуальной напряженности критических и публицистических статей «Современник» был недоступен пониманию массового читателя 1830-х гг., жадно поглощавшего псевдоисторические романы Фаддея Булгарина, читавшего взахлеб залихватские, бойкие фельетоны барона Брамбеуса.

Пушкинский «Современник» был журналом, намного опередившим свое время. Лишь потомки смогли в должной мере оценить, каким знаменательным событием отмечен 1836 г. в летописях русской словесности.

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевский пронизательно охарактеризовал высокий интеллектуальный критерий и нравственный пафос критических выступлений писателей пушкинского круга:

«Не может быть сомнения в том, что Пушкин и его сподвижники высказывали очень много верного и прекрасного. Почему же их мнения не имели более значительного влияния на литературу и массу публики? Ответ готов у каждого читателя: журнал, бывший органом пушкинского направления, не проникал в массу публики (...) Критик, который хочет говорить только о том, что интересно говорить для него самого, который хочет сохранить в своей деятельности столько же гордого спокойствия и достоинства, сколько сохраняет поэт или ученый, — такой критик пишет для немногих, Пушкин и его литературные друзья знали это; действуя на поприще критики, они и не хотели подчиняться условиям, несовместимым с их понятиями о собственном достоинстве; они знали, что чрез это отказываются от средств достичь господства над массою публики, — да они и не стремились к такому господству: они поставили себе целью довольствоваться спокойным сочувствием немногих читателей, которых считали избранными, и гордо думали, что качества их слушателей вознаграждают за количество»²⁹.

Ныне, 150 лет спустя, их сокровенные мысли и благородные чувства стали достоянием широкой читательской аудитории. Журнальная неудача издателя «Современника» обернулась в кон-

це концов блистательным успехом. Давно канули в Лету его соперники, лишь незначительная, малая толика их изданий пережила эфемерность журнального существования, а стихи, статьи, мемуары, путевые очерки, печатавшиеся в «Современнике», — даже если не говорить о произведениях самого Пушкина, — издавались, издаются и будут издаваться.

Книги и журналы, как правило, подвержены превратностям судьбы. Но подлинные духовные ценности вечны, и, пока в подлунном мире жив хоть один журналист, забвение не грозит пушкинскому «Современнику», образцу рыцарского служения печатному слову.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об этом см.: Вацуру В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978.

² Об этом см.: Пиксанов Н. К. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832) // Пушкин и его современники. Вып. 5. Спб., 1907. С. 83—109.

³ Сквозь «умственные плотины». С. 118—119.

⁴ Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Л., 1969. С. 222—227.

⁵ Д. Д. Благой справедливо отметил «совпадение высказываний Гоголя и Белинского, который в одновременно появившейся статье „О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“ (цензурное разрешение первой книжки „Современника“, в которой опубликована статья Гоголя, — 31 марта 1836 года; цензурное разрешение номера „Телескопа“, в котором напечатана статья Белинского, — 21 марта 1836 года) точно так же выступил против этой статьи Шевырева» (см.: История русской критики. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 314).

⁶ *Новонайденный автограф*. С. 17.

⁷ *Белинский*. Т. 2. С. 181.

⁸ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950. С. 141.

⁹ *СП*. 1836, 6, 8, 9 июня.

¹⁰ Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 1. Л., 1950. С. 408.

¹¹ Об этом см.: Каверин В. Барон Брамбеус. М., 1966. С. 59.

¹² Сравнение печатного текста с черновым автографом доказывает, что первоначально статья писалась как анонимная. Затем Гоголь предполагал печатать ее под псевдонимом — как «присланную в редакцию». На следующем этапе Гоголь отказался от обоих вариантов и решил печатать статью за своей подписью.

Обнаружение В. Г. Березиной уникального экземпляра первого тома «Современника», в оглавлении которого напечатано имя Гоголя как автора статьи «О движении журнальной литературы...» (см.: ПИМ. Т. 1. С. 112), заставило исследователей высказать различные гипотезы относительно причин, побудивших издателя снять имя автора и печатать ее анонимно. Наиболее распространена версия о том, что Пушкин, снимая имя Гоголя, хотел обезопасить его от возможных журнальных нападков — так как приближалась премьера «Ревизора» и выход комедии отдельным изданием. Согласно другой версии, издатель «Современника»

не хотел, чтобы в оглавлении, в разделе прозы, имя Гоголя повторялось три раза подряд. На наш взгляд, все эти мотивы могли быть — но не являлись главными. Самым существенным для Пушкина представлялось оградить «Современник» от нареканий в том, что журнал с самого начала печатает статьи, в которых занимается сведением личных счетов.

Об участии Гоголя в «Современнике», о его взаимоотношениях с Пушкиным в первой половине 1836 г. см.: *Пит.* С. 228—235 (автор обзора — В. Э. Вацуро); Березина В. Г. Новые данные о статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» // Гоголь. Статьи и материалы. Л., 1954. С. 70—85; Березина В. Г. Из истории «Современника» Пушкина // *ПИМ.* Т. 1. С. 50—125; Петрунина Н. Н., Фридендер Г. М. «Пушкин и Гоголь в 1831—1836 годах» // *ПИМ.* Т. 6. С. 197—228.

¹³ *СП.* 1836. 1 мая.

¹⁴ Благой Д. Социология творчества Пушкина. М., 1929. С. 191.

¹⁵ Недавно была предпринята попытка опровергнуть эту точку зрения (Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982. С. 58). Мы продолжаем придерживаться традиционной трактовки.

¹⁶ Купоры, произведенные в статье «О партизанской войне», опубликованы В. Э. Вацуро (см.: *Сквозь «умственные плотины»*. С. 314—315).

¹⁷ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 164—165.

¹⁸ *Сквозь «умственные плотины»*. С. 101.

¹⁹ Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959. С. 416.

²⁰ Подробнее о социальной позиции Тютчева см.: Благой Д. Три века: Из истории русской поэзии XVIII, XIX и XX вв. М., 1933. С. 180—268; Пигарев К. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962. С. 109—178.

²¹ Казанский Б. В. Западные образцы «Современника» // *ПВр.* 6. С. 376.

²² Там же. С. 376—377.

²³ Вацуро В. Э. «Северные цветы»... С. 251.

²⁴ *Белинский.* Т. 2. С. 178.

²⁵ Там же. С. 179.

²⁶ Там же. С. 237.

²⁷ Ф. Я. Прийма, просмотрев номера «Телескопа» и «Молвы» из библиотеки Пушкина, установил, что статьи Белинского в них всюду разрезаны (РЛ. 1977. № 1. С. 35).

²⁸ *Белинский.* Т. 4. С. 412—413.

²⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 133—134.

СОВРЕМЕННОК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ,
ИЗДАВАЕМЫЙ
АЛЕКСАНДРОМ ПУШКИНЫМ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ФАКСИМИЛЬНОМУ ИЗДАНИЮ